

ТАТЬЯНА КАППА

Raben

ДЕТЕКТИВ

ИСТОРИИ АНТОНИНЫ НАЙДЕНОВОЙ

Татьяна Каппа

**Истории Антонины
Найденовой. 9. Raben**

«Автор»

2026

Каппа Т.

Истории Антонины Найденовой. 9. Raben / Т. Каппа — «Автор»,
2026

Истории Антонины Найденовой продолжаются в эмиграции. Живой ум героини, ее любопытство помогают ей разгадать тайну старой усадьбы «Raben».

© Каппа Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1. Переводчики	7
2. Крыса	9
3. Комиссар полиции	11
4. Усадьба «Raben»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Истории Антонины Найденовой. 9. Raben

Пролог

Автобус ехал по зимней Германии.

Тоня смотрела в окно на двуглавые острые башенки местных церквей, на горожан, прилежно очищающих от снега дорожки у своих домов.

Ей вспомнилась «Зимняя сказка» Гейне – его путешествие по родной земле. Дорога всегда настраивает на размышления. Путь домой делает их особенно острыми.

А она сейчас едет по чужой земле. Едет в город, куда их определили на местожительство. Что ее там ждет? Какая жизнь? Какие люди?

Она думала об этом и раньше, но сейчас ее вдруг встревожили эти мысли, и она беспокойно посмотрела на мужа. Он, чему-то улыбаясь, читал книгу. Наклонив голову, заглянула на обложку.

«Германия. Зимняя сказка». Наваждение какое-то!

– «...гегемония в воздушном царстве грез... Как будто сразу с немецкой души. / Земные цепи слетели. / И, всё презирая, летит она ввысь...» – прочитала и пожала плечами: – Это немцы-то – мечтательные фантазеры?

– Думаю, что Гейне написал о мечтателях, чьи фантазии подняли искусство и науку до неземных высот.

– Такими мечтателями в Германии были не только немцы.

– Да. Бисмарк объединил их в...

– Бисмарк был голова... – громко сказал впереди сидящий Виктор, их сосед по бывшему общежитию. Виктор – сам голова. Пикейнейший жилет. Он хотел повернуться и вступить в разговор: ему было, что сказать, но мешал пристроенный рядом велосипед, к которому была привязана пуховая подушка – любимые вещи, вывезенные им в эмиграцию. Внучка-дошкольница присела на корточки и принялась крутить педаль. Виктор, не закончив про Бисмарка, стал ее отгонять.

– Витя, ты мне надоел!

Басовитая внучка села на место, обиженно сложила руки на груди, исподлобья сердито поглядывая на деда.

– Вот, упрямая! – возмущался он, поправляя на носу старомодные очки в толстой оправе. Их голоса разбудили пассажиров. Кто-то недовольно шикнул. Жена Лиза виновато прижала палец к губам. Дед с внучкой замолчали.

Автобус мерно катил по дороге. Почти бесшумно работал мотор. В салоне было тихо и тепло. Тихо вели себя и дети. Тоню стало клонить в сон, разговаривать больше не хотелось, и она задремала.

Разбудили ее громкие голоса попутчиков.

– Какой-то он совсем не немецкий!

– Проспект широкий, серые многоэтажки...

– Совсем, как наш областной центр!

– Почему его называют городом барокко? – возмущалась молодая женщина по имени Марина. У себя на родине она работала в туристическом бюро, возила группы в ГДР, и в архитектурных стилях разбиралась. – Ничего барочного!

Старый город спрятался от них где-то там за серыми домами, в стороне от проспекта. Вот высоко вдалеке мелькнула легкая башня-беседка с луковичным куполом и золотым крестом барочной церкви.

Но никто ее не увидел, обратившись к своим вещам: водитель сказал, что уже подъезжают.

Виктор поплотней увязывал на багажнике любимую подушку. Внучка мешала, опять крутила педаль.

Марина руководила мужем и сыном, которые заранее тащили к двери коробку с плоско-экраным телевизором – первым шагом к их обеспеченной жизни здесь.

А Тоня, до конца не проснувшись, поднялась в сонном воображении над серыми зданиями в «воздушное царство грез»... И оттуда увидела барочный город...

Она начинала новую жизнь с фантазии. Правильно ли это?

«И вот, мечтатель, висишь на кресте, / В острастку фантазерам!

Зима в городе N. в 19.. году была сырой и бесснежной.

А тут еще неожиданно прошел ледяной дождь, и город превратился в Кунгурскую ледяную пещеру, вывернутую наизнанку и застывшую в мертвой, обледенелой красе. В свете фонарей хрусталем засверкали деревья и кусты; рождественской леденцовой карамелью застыли под тонкой ледяной коркой красно-бурые плоды шиповника и ягоды алой рябины.

Эта фантастическая красота радовала глаз – и оставалась чужой.

Не было ощущения дома. Его не было у Тони уже давно.

Первая их зима в провинциальном немецком городке была пушкинской, какой она была в ее детстве: с морозом и солнцем, с днем чудесным.

На пруду, льдом одетом –

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед...

В школьных дворах с веселыми криками играют в снежки.

За низкими деревянными заборами алеют в белых сугробах свежие розы.

«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?»

И краснолапчатый гусь тяжелый готовится занять место на рождественском столе.

Тоне тогда показалось, что ее жизнь повторяется сначала и как будто не наяву, а в сказке.

Эти ощущения создавала новизна атмосферы в преддверии Рождества.

В центральных окнах маленьких домов горели огоньки свечных арок и горок; на балконах светились желтые вифлеемские звезды; на дверях висели рождественские венки.

Морозный воздух на рынке был наполнен запахом корицы и древесного дыма.

В жарких, сытных харчевнях царил дух жизнерадостного братства.

Здесь пили из больших кружек холодное пенистое пиво под сочную румяную рульку с горячей кислой капустой. Каждый входящий обходил столы, стуча костяшками пальцев по столешницам, по-свойски приветствуя собратьев по пиру...

А воскресным утром в местную церковь шли по расчищенным дорожкам прихожане.

И казалось, что всё это – не наяву...

1. Переводчики

– Понимаешь, вроде бы всё ясно! Это – вор, украл в магазине стограммовую упаковку колбасы. Его поймали здоровенные охранники. Наверное, гнались за ним, громко топоча... Сдали в полицию. Вызвали меня как переводчика. И вот он стоит – жалкий, худой, испуганный, бледный до синевы. Одет плохо. Мне почему-то его здорово жалко стало. Потом пришел составлять протокол допроса полицейский. Толстый, грубый. Вот понимаю, что этот пацан – преступник, вор! Воров не люблю! Но украл-то из магазина! Там в цены товара входит процент воровства. Мы сами оплачиваем их издержки! Пацан – не русский. То ли из Молдавии, то ли из Узбекистана. Шифруется. Прикидывается, что плохо русский язык знает, что по-немецки вообще не понимает. А я гляжу на него и вижу, что глаза – умные, смысленные. Понимает, собака, по-русски! И тут знаешь, ну совсем некстати... вдруг вспомнилась мне повесть Короленко «Дети подземелья»... Помнишь? Мальчик из хорошей семьи сталкивается с жестокостью и несправедливостью мира по отношению к нищим! Вот и передо мной – нищий. Мог бы дома жить, учиться. Так нет, перетрясли всю страну! А что будет с маленькими людьми не подумали! Кому интересен маленький человек?

Пацан молчит. Полицейский нервничает, орет. И знаешь, так мне невоготу стало! Я у полицейского спрашиваю, что с ним дальше будет? Он говорит: вышлем туда, откуда приехал! Я на пацана смотрю, а ему видно уже все равно: что там, что здесь. И знаешь, такой случай уже не первый раз. Не хочу погружаться в это. Больше переводить в полицию не хожу. Отказался. В переводческом бюро не довольны. Они в полиции на первом месте в списке остальных бюро. Хочешь подработать? Я тебя вместо себя предложу. Я у них на хорошем счету. Мне доверяют. Тебя возьмут. Хочешь?

Тоня слушала и смотрела на своего знакомого, взрослого парня Олега с грустью и пониманием. Как трудно жить вот таким тонкокожим! Она сама такая же, но уже научилась справляться с собой.

– Хорошо, – сказала она. – Деньги нужны. А сам-то найдешь другую работу?

– Найду. Пойду на стройку. Там всё просто. Физическая работа всех уравнивает.

И Тоня стала работать переводчицей. Вызовы в полицию были часты. Русскоговорящих правонарушителей было много.

Однажды была задержана целая группа таких правонарушителей. Это были пожилые туристы из Израиля. С уверенностью в том, что у Германии историческая вина и долг перед ними, проездные билеты в трамвае покупать не стали. Их поймали контролеры. Когда Тоня приехала в полицейский участок, то увидела в коридоре обиженных стариков, с достоинством сидящих на стульях в ряд.

– Шалом! – вежливо приветствовала она их.

– Шалом! – осторожно отозвался один и сразу объявил: – Штрафы мы платить не будем. Мы будем требовать извинений от правительства!

Тоня пошла объясняться с начальником, и тот решил, что лучше их будет отпустить. Но извиняться он не будет. Не уполномочен. Пусть обращаются к канцлеру. Тоня вернулась к старикам и извинилась и за полицейских, и за контролеров, и за себя, и за всю Германию...

И они ушли, почти довольные, но непримиримые и гордые, сказав напоследок, что они уезжают отсюда навсегда и ноги их здесь больше никогда не будет! Тоня проводила их до отеля.

– Лехитраот! – сказала она, прощаясь с ними. И старик с хитрыми и проницательными глазами, отведя ее в сторону, тихо сказал: «Я сразу понял, что вы-таки из наших!»

Прямо, эпизод из старого итальянского кино...

Или еще одна сцена – по комическому эффекту и темпераменту тоже оттуда... Мужик, уже хорошо поддатому на свадьбе дочери, зачем-то приспичило поехать на машине в магазин. Его поймали полицейские, привезли в участок. Мужик – русский. Вызвали Тоню для перевода. У него надо было взять кровь. Тоня перевела. Мужик замотал головой: «Не дамся! Не согласен! Прав не имеют! Так и переводите!» – возбужденно говорил он, пряча руки за спину. Тоня перевела. Полицейские требовали. Она переводила. Он мотал головой: «Не дамся!.. Переводите!..» Тоня переводила. Так в течение продолжительного времени они, как заведенные, повторяли одно и то же. Все устали... Наконец, мужик выдернул руку из-за спины, развернул ее в сторону полицейских, задрал рукав и с отчаянным надрывом крикнул:

– Нател!.. Забирайте мою кровь!..

Полицейские автоматически перевели вопросительный взгляд на переводчицу.

– Он согласен.

Конец сцены.

Работая переводчицей, Тоня столкнулась с тем, что люди, попавшие в беду, ожидали от нее помощи. Что значит родной язык! Тот, кто говорит с тобой на одном языке, считает тебя, чуть ли не родным человеком, который обязательно... непременно поможет! «Мы с тобой одной крови!» – говорил Маугли.

Но Тоня не могла помочь людям, оказавшимся в полиции. Просто так туда не попадали. Она могла поддержать их словом, советом, успокоить. Это когда люди были симпатичны. Потому что многие врал, изворачивались и были ей неприятны.

Вскоре она ушла с этой работы.

Вот после этого и случилась с ней интересная и почти детективная история.

2. Крыса

Уже в феврале в город пришла весна. Теплое солнце согрело воздух. Согрелась земля, и сквозь жухлую прошлогоднюю траву и коричневые куски коры, насыпанные вокруг уличных деревьев, пробились к солнцу мелкие цветы мать-и-мачехи...

Тоня шла по улице и, увидев их, остановилась, присела на корточки и потрогала желтые корзинки на крепких ножках с красноватыми чешуйками... Говорят, что желтые цветочки пахнут медом.

Она даже потянулась к ним носом, но тут кто-то тронул ее за плечо.

Она оглянулась, поднялась.

Перед ней стоял человек неопределенного пола: то ли рыхлый парнишка, то ли толстая тетка.

– Ты можешь мне помочь? Видишь вон там людей? Они украли у меня велосипед. Помоги мне его вернуть, – взволнованно заговорил он тонким высоким голосом.

– Конечно, – Тоня поспешила вслед, еще не представляя, как она будет помогать возвращать велосипед.

– Вот они!

В стороне от тротуара на потертом коврик сидел сонный парень в пестрой куртке и вязаной шапочке. Другой стоял рядом. Парень-тетка, убедившись, что его защитница рядом, набросился на стоящего:

– Томас, отдай мне мою крысу!

«При чем здесь крыса? Наверное, я не расслышала: Ratte... Fahrrad... Rad... звучат одинаково. И, кажется, это – парень, не тетка...» – пригляделась к нему Тоня и уточнила:

– Так ты его знаешь?

– Ну да! Томас у меня украл крысу! – уже почти в истерике кричал парень.

– Какую крысу? Нет у меня никакой крысы, – лениво сказал Томас и отвернулся.

– Я точно знаю, что крыса у тебя! Ты ее спрятал в рюкзак!

– Нет у меня твоей крысы.

– У него в рюкзаке живое существо! Оно же задохнется!

– Ты же сказал, что у тебя украли велосипед?

– Ну да, моя крыса – мое всё! – волновался парень. – Томас, я точно знаю, что ты спрятал крысу в рюкзак! – он потянул свою защитницу за рукав: – Ну помоги же мне!

– Я ничего не могу сделать, я не видела, как у тебя что-то крали, – растерялась Тоня.

– Ты его держи, а я буду обыскивать его рюкзак!

– Я не буду держать.

Тот, кто сонно сидел на драном коврик и, казалось, не интересовался конфликтом, вдруг вразумительно предложил:

– Томас, ну если у тебя там нет крысы, то почему бы тебе не открыть рюкзак и не показать?

– Да! – поддержала его Тоня.

– Я не крал крысу и ничего показывать не буду, – упрямылся Томас.

Дискуссия зашла в тупик. Тоня растерянно посмотрела по сторонам и увидела своего знакомого, полицейского Штефана. Он подходил к зданию полиции.

Настоящее имя его было Сергей. Сергей Шмидт. Об этом она узнала случайно. Как-то по работе позвонила ему домой, попросила к телефону Штефана. «Сергея, тебя!» – крикнул ему младший брат. С тех пор она тоже иногда называла его Сергеем. Он был из поздних пере-

селенцев. Приехали из Сибири. Здесь он поменял свое имя на немецкое. Традиция. Все переселенцы меняли. Сибиряки ей нравились. Вот и подружился.

Она призывно помахала ему рукой. Сергей, издали оглядев их сомнительную компанию, направился к ним.

– Серега, ты – полицейский. Помоги разобраться.

– С кем? – улыбаясь спросил он.

– Да вот, обижают тут одного. Крысу не отдают, – Тоня повернулась к компании. Но на месте уже никого не было. Все трое быстро вышагивали прочь. Свернутый коврик покачивался под мышкой «пестрой куртки» в такт его шагам. Рюкзак с бедной крысой, не вызволенной из плена, висел на плече Томаса. «А была ли крыса?» – усмехнулась Тоня своей доверчивости.

– Да я эту троицу знаю. А они – меня. Вот и рванули. Накурятся – разное им видится.

– Они что, наркоманы?

– Нет. Так, легкую травку курят. Они – безобидные.

– Заморочили мне голову. Какой-то спектакль разыграли!

– Спектакль, говоришь, – вдруг переспросил он, что-то уже прикидывая в голове. И, прикинув, даже не спросил, а утвердил как-то радостно:

– Ты говорила, что ты – учительница танцев! Да?

– Да.

– Ты еще переводишь у нас?

– Нет. Я ушла. Понимаешь...

– Здорово! – не дав ей объяснить причину, чему-то обрадовался он. – Вы всё еще на прежнем месте живете?

– Да. Чему ты радуешься?

– Потом объясню.

И полицейский Штефан Шмидт поспешил к зданию полиции.

Несколько дней назад он обратился к полицейскому комиссару с письменным рапортом. Случай, с которым он столкнулся, показался ему тем самым случаем, где он, разбираясь и участвуя, мог бы отличиться по службе и продвинуться по служебной лестнице. Здоровый карьеризм.

Сейчас он шел к комиссару Вейману, который вызвал его для разговора.

3. Комиссар полиции

Информация, изложенная в рапорте полицейского Шмидта, с первого взгляда показалась комиссару не существенной. Но он, начинавший свою профессиональную служебную деятельность в Volkspolizei, помнил, как его учили: «Неважной информации не существует!»

Итак. Соседка Шмидта нашла у сына листовку с текстом, который ее насторожил. Сын ходит на занятия в один Центр по работе с молодежью. Сейчас такие ферайны растут как грибы после дождя... – отвлекался комиссар на детали. – И это понятно: приехало много русских педагогов. Был такой стереотип: русские и гэдээровские педагоги – лучшие в мире. Стереотип не стереотип, а педагоги действительно хорошие. Система образования в ГДР, к примеру, считалась одной из лучших в мире. Ее опыт даже Финляндия заимствовала.

Комиссар вспомнил свою школьную учительницу фрау Вюршик. Он недавно встретил ее на улице...

– А вы, – сказала она в конце их разговора, – другими были. Сейчас дети не такие.

– А какими мы были?

– Я бы сказала: одухотворенной. Идеалы были! – и добавила по учительской привычке: – Идеалы нравственно возвышенной личности. Только с такими идеалами может и должно быть служение делу.

Комиссар подошел к окну. Во внутреннем дворе около блестящей черной машины возился полицейский Шульц. С любовью протирал тряпочкой ветровое стекло. Недавно комиссар слышал, как он бахвалился в дежурке: «Мой отец в ГДР деньги копил и смог только «Wartburg» себе купить. А я вот, молодой, а уже на шикарной машине катаюсь! Надоест – продам, другую куплю. Нет, сейчас жизнь лучше!»

«Твой отец заработал и за наличные купил. А ты влез в кредиты, в долги к банкам-кровососам. И материальные блага не были главными для твоего отца. А сейчас они превратились в смысл твоей жизни!» Так подумал комиссар, но не стал это говорить. Шульц неумный, не поймет. То, что произошло с его страной, не измерялось количеством шикарных машин таких недалеких, меркантильных Шульцов.

Комиссар отошел от окна, вернулся за стол, снова взял рапорт Шмидта и еще раз пробежал глазами по тексту листовки: «...человек, владеющий этой наукой, властвует над другими... слабыми... иметь власть, такую, как М. ...тайное искусство... раздвоиться... стать сильным... убрать слабых... я покоряюсь силе... братства и М. ...»

Станный, непонятный текст. Докладывать начальству он пока не будет. Сначала надо всё проверить. Организовать проверку этого Центра? Нет, надо осторожно, аккуратно. Нужен человек, наблюдающий работу изнутри.

Желательно – педагог. Из полицейских? Вряд ли найдешь. Гражданские?

Комиссар помнил инструкцию: «Неофициальные сотрудники – наиболее важный фактор в борьбе против классового врага». В шестидесятых, в это золотое время «развитого социализма», в ГДР было духовное превосходство коммунистических ценностей над западными. Там – кризисы, войны. А у них и преступлений было меньше, и люди жили с уверенностью в своем будущем, и спорт развивался. На Олимпийских играх всегда входили в тройку лидеров. Было, чем гордиться и что охранять. И простые люди помогали. Комиссар жалел о ГДР. Часто вспоминал то время: он был молод, здоров, честно работал на благо родной страны. Счастливое время.

«Лучшего немца» Горби комиссар не любил. Мужчина, который всю свою жизнь доказывал своей амбициозной жене, что он ее достоин. Аж генсеком заделался. Только зря оказалось. И страну, и жену погубил. И Хонеккера предал.

– Почему никто не выступил против? Почему не провели референдум об объединении Германии? – как-то в разговоре со своим близким другом спросил он. Друг был одним из организаторов ИЗОР e.V., с которым он мог говорить открыто, не скрываясь.

– А что бы это дало? – усмехнулся тот. – Вот в СССР был референдум о сохранении страны. И большинство высказались за сохранение. Так всё равно развалили. Государство всегда предает народ, когда ему это выгодно.

– В СССР было разъединение, а у нас – объединение.

– Скорее, это было не объединение, а поглощение ГДР западной Германией. Аншлюс. А все остальное похоже. Даже приватизация проводилась по-воровски, что у нас – ведомством «Treuhand», что у них – ведомством «Tschubais»!

Хонеккера комиссар уважал. Помнил его слова: «Что стало бы с Европой, не пояись ГДР с ее влиянием?» Свои мысли комиссар держал при себе, не афишировал. После люстрации, которой он подвергся при поступлении на службу в новую полицию, он понял, что лучше, чтобы о них никто не знал: ни из сослуживцев, ни из знакомых. Дома об этом тоже не говорил, хотя родные были его единомышленниками. Просто ворошить прошлое было больно.

«Нужно найти для внедрения подходящего человека из гражданских!» – закончил свои раздумья комиссар и вызвал к себе полицейского Шмидта.

– Человек надежный, умный, – старательно охарактеризовал потенциального агента для внедрения сотрудник полиции Штефан Шмидт. – Она – русская, но хорошо владеет немецким. Работала у нас переводчиком. Педагог по танцам. А в Центре сейчас как раз ищут учителя танцев. Я узнавал.

Ему вдруг захотелось пошутить: «Как сказал товарищ Саахов: «Комсомолка, спортсменка и, наконец, просто красавица!»

Но он промолчал: шутить ему было не по чину. Да и вряд ли комиссар смотрел «Кавказскую пленницу». Это все таки не сибирский отдел милиции.

– Вы уже с ней говорили?

– Нет. Сначала доложил вам.

– А если она не согласится? Если у нее принципы не сотрудничества с полицией?

– Я постараюсь ее убедить.

– Всё это должно быть на добровольной основе. Дело может оказаться опасным. Она должна знать, на что идет.

Комиссару хотелось сказать, что недавно при странных обстоятельствах погиб внедренный агент спецслужб. Обстоятельства его гибели до сих пор не выяснены. Но говорить об этом подчиненному он не стал.

Сказал только:

– Действуйте. О результате доложить.

– Jawohl! – браво откликнулся полицейский Шмидт, вышел, чеканя шаг, а за дверь уже быстро сбежал по ступенькам и выскочил на улицу.

Он спешил.

Ему хотелось отличиться. Это было его первое самостоятельное задание здесь.

В Сибири, откуда он был родом и служил в милиции, ему доводилось участвовать в серьезных операциях. А в Германии за время его службы, пока ничего серьезного не было.

Его знакомая Тоня жила в хайме.

По длинному коридору неспешно шел носатый мужчина в старомодных очках в толстой оправе. Увидев незнакомца, преградил ему дорогу.

– Это вы к кому? – строго спросил насморчным голосом. Услышав ответ, постучал в ближнюю дверь:

– Антонина! Тут к тебе.

Дверь открылась, выглянула Тоня.

– Сергей?

– Знаешь его?

– Всё в порядке, Виктор. Это мой знакомый.

Мужчина отступил и дал ему войти в комнату.

Войдя, Сергей почему-то сразу отметил две кровати, не составленные по-семейному рядом, а как в казарме: друг над другом. Тоня говорила, что замужем, а спят, как солдаты...

– Это кто был? Муж?

– Сосед, – засмеялась она. – Инженер по технике безопасности. Бывший.

– Бывших по безопасности не бывает.

– Муж тоже есть. Что случилось?

– Ты, ведь, учительница танцев?

– Да.

– И сейчас не работаешь?

– Нет. Ты уже про это спрашивал.

– В общем, так. Я напрямую... – начал он и замолчал, не зная, как продолжить. Он вербовал агента в первый раз. – Меня уполномочили поговорить с тобой и сказать, что это может быть опасно и, что это должно быть твое искреннее, личное желание.

– Почему опасно? Что, преступников учить танцам?

– Нет. Понимаешь, надо не только танцам учить, но и заниматься наблюдением для выявления подозрительных элементов... – сбивчиво объяснил Сергей.

– Ты меня вербуешь, что ли?

– Нет. То есть, да! – запутался он. – Так как?

– Не знаю. Я подумать должна, – Тоне вдруг некстати вспомнилась сцена из «Ментов» с «идейным агентом» Альбертом Померанцевым: «Вы понимаете, что вы унижаете мое человеческое достоинство? – играл он в благородство. – «Конечно понимаю!» – продолжал игру опер Ларин. И Серега так же скажет. Поэтому Тоня слова Альберта повторять не стала, опять некстати вспомнив, как когда-то обокрали их квартиру. Залез вор через окно... первый этаж... раннее утро. Вынес вещи, телевизор, фотоаппарат... Оставил кучу отпечатков, следы на подоконнике. Искать его не стали. Потому что это был свой. «Барабан». Нужный человек. Гад.

– Нет, не хочу «барабаном» быть.

– Каким барабаном? – сначала даже не понял Сергей, а когда понял, возмутился: – Это же разные вещи! «Барабан» и внедренный агент. Есть разница.

– Один «стучит» без идеи, а другой с идеей. В этом разница?

– Ты видишь разницу между соседом-доносчиком и Штирлицем? Ты же не стучать будешь, а помогать, – он досадливо замолчал.

Тоня тоже молчала.

– В общем так, вот посмотри! – Сергей протянул переписанный им текст листовки. – Надо найти этого «М»!

Стукнув в дверь, заглянул Виктор: ему не понравился пришедший. Такими в милицеских фильмах обычно бывают бандиты.

Тоня кивнула ему:

– Всё в порядке!

Дверь закрылась.

– Это всё, что известно об этом «М»? – дочитала она листовку.

– Да.

– И кого надо танцам учить?

– Ты согласна? – обрадовался Сергей.

– Работать-то хочется. Давай объясняй!

– Значицца так, – начал он, и Тоня, услышав в его голосе знакомую, чуть хриловатую интонацию, улыбнулась.

А он, уже войдя в образ, продолжал:

– Листовку эту мне соседка дала. Анна. Она из поздних переселенцев. Из Сибири. Сына Романом зовут. Ромой. Вот у него она ее и нашла.

– А нельзя у Ромы спросить, кто этот «М»?

– Не скажет... Я его знаю, – уже выйдя из образа, с сомнением покачал головой Сергей. – Но думаю, что следы ведут в молодежный Центр, где Рома занимается. Надо искать там. Тебе надо будет пойти в этот Центр и предложить себя, как педагога по танцам.

– А если меня не возьмут?

– Надо сделать так, чтобы взяли. Учитель танцев им нужен. Я по своим каналам узнал. Танцы народные, немецкие.

– Давай адрес этого Центра.

– Вот это по-деловому! Я подготовился.

Сергей достал из кармана свернутый лист бумаги и распрямил на столе.

– Смотри. Называется он «Raben». Находится в бывшей баронской усадьбе. Вот я нарисовал план, как доехать и как его найти.

– На окраине города... – Тоня внимательно рассмотрела план. – Конечная остановка трамвая.

– Проездной оплатим!

– Само собой.

– Про работу соседям можешь сказать. А про цель – молчок. А то вон какой сосед у тебя любопытный.

– Я умею хранить секреты, – сказала Тоня. – В кино ведь «агентам» оперативный псевдоним дают?

– Можешь сама придумать.

– Я буду агентом с оперативным именем Стася.

Ночью пошел снег. Природа, обещавшая весну, обманула.

«Как там доверчивые желтые цветочки, поверившие в весеннее тепло?» – думала Тоня, лежа в постели и глядя на падающие за окном хлопья снега.

Под утро ей снилась крыса. Большая. С длинным белым хвостом. Она лежала на ладонях какого-то мужчины, как на блюде, и смотрела на Тоню глазами-бусинами розового турмалина.

К чему во сне видеть крысу?

«Как правило, – нашла она разгадку сна в соннике, – это сигнализирует о существовании какого-то неприятеля, подлого и, возможно, двуличного, от которого вы не ожидаете подвоха и предательства. Крыса может быть и знаком смерти, а может символизировать удачу и торжество правосудия».

– Вот это хорошо! – значительно прищелкнула пальцами «агент Стася». Так, по ее мнению, мог бы сделать разведчик – такой, который: «За Нашу победу!»

Она встала и пошла умываться.

Собиралась тихо, чтобы не разбудить мужа. Наум спал на верхнем ярусе, сладко похрапывал. По утрам он любил поспать. Ну и хорошо – объяснять ничего не надо. Оставила записку: «Поехала устраиваться на работу!»

В коридоре слонялся без дела бывший инженер по технике безопасности. Увидев одетую для выхода Тоню, тут же поинтересовался:

– Кавалера завела?

– Это по работе! – строго сказала она.

– Ага! На свиданку по работе! – вслед ей хмыкнул сосед, но она уже закрыла дверь.

4. Усадьба «Raben»

*Кстати, знаете почему винтовые лестницы
в башнях всех средневековых замков всегда строились таким образом,
чтобы подъем по ним осуществлялся по часовой стрелке?
Это делалось для того, чтобы в случае осады замка
защитники башни имели преимущество во время рукопашной схватки,
так как наиболее сильный удар правой рукой
можно нанести именно справа налево...*

На конечной остановке Тоня вышла из трамвая.

Сверившись с нарисованным на листке планом, она прошла вперед – к пустым блочным зданиям, угрюмо глядевших пустыми окнами на черные стволы деревьев и косматые заросли кустов с прошлогодними жухлыми листьями. Выпавший на них снег был каким-то комкастым, серым и тоже казался прошлогодним.

Бывшие гдээрзовские НИИ на «цветущих ландшафтах» деиндустриализированной восточной Германии – вспомнились слова «ельцинского друга Гельмута Коля». Кладбище побежденного социализма.

Когда-то сотрудники института, непременно молодые и веселые выпускники университетов, шли от трамвая сюда на работу... А сейчас, наверное, подались в маклеры, торгуют гдээрзовской недвижимостью.

Тоня снова развернула листок с планом. Стрелка поворачивала налево, на дорогу к парку, отгороженному сетчатым забором. Сквозь темные стволы деревьев виднелось красно-кирпичное здание – широкой башней и бойницами наверху оно напоминало старый замок.

Это и была усадьба «Рабен».

Она дошла до старинных решетчатых ворот с невысокими щербатыми колоннами по бокам. Сверху в края колонн вцепились каменные птичьи лапы с мощными когтями. Головы и туловища их были отбиты.

На кованой решетке ворот уцелел герб с вороном. Видно, бывшие хозяева за что-то чтили эту птицу, если поместили ее в свой герб. От красивого кованого забора сохранилось лишь несколько пролетов у ворот. Дальше тянулась проволочная сетка. Вдоль нее была проложена дорожка.

Сергей говорил, что к Центру надо идти по ней или, если открыта калитка у ворот, можно пройти напрямик через парк.

Калитка была открыта.

И она пошла по широкой аллее, которая привела ее к красно-кирпичному зданию с серым каменным фундаментом. В высоких окнах с решетками горел теплый, мягкий свет. Зимний день был темным.

К входной арочной двери вели старые каменные ступени. Рядом был пристроен современный пандус. А над дверью – тот же герб с рельефным изображением вóрона и готической надписью полукругом под ним. Осевшая на камне пыль делала его объемным и будто бы даже живым.

На стене висела вывеска: «Reha-Internat im Rabenpark».

Она обошла дом по выметенным от снега булыжникам и вышла на задний двор. Там мужчина в куртке сгребал лопатой снег. Высокий, худощавый, рыжеволосый. Сгребал как-то неумело, держа лопату левой рукой, как метлу. Увидел Тоню, он остановился и вопросительно посмотрел на нее.

– Гутен Таг! Я ищу молодежный Центр.

– Hallo! – мужчина бросил лопату на снег и повел плечами, будто после тяжелой работы.

– Я провожу.

Они поднялись по пологим ступеням и молча пошли по снегу.

Парк был неухожен: из снега местами торчала сухая трава, дугообразные шипастые стебли ежевики с желтыми листьями; пожелтевшие выюнки, как змеи, поднимались над кучей брошенных веток...

В стороне, за высокими деревьями она увидела двухэтажный кирпичный дом с черепичной крышей. Белый снег, красная черепица, темные стволы деревьев... Пейзаж – как на картине Брейгеля «Охотники на снегу».

Ей даже послышался скрип снега, запах костра... Не хватало только идущих охотников. Хотя... они и сами были как два охотника – и вот их следы на снегу...

– Мне сюда? – кивнула она на дом.

– Нет. Это флигель. Центр вон там – за территорией усадьбы, – показал он рукой. Впереди, за деревьями, белел одноэтажный панельный дом.

Тоня с сожалением глянула на «брейгелевский» флигель. Он понравился ей больше – еще и в парке, среди деревьев. Она подняла голову и в кроне высокого крепкого дерева увидела что-то темное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.